

УДК 316.35:[32:316.7](045)

Социология юмора: к критике трех фундаментальных теорий смешного**Мельников С.С.**Аспирант кафедры социологии
МГИМО Университет МИД России, г. Москва

В статье анализируются три фундаментальные теории юмора, определяемые в качестве таковых большинством современных исследователей: теория разрядки, теория противоречия и теория превосходства. Автор обобщает представления различных ученых, высказанные в рамках данных теорий, акцентируя внимание на определении социальной роли смеха и юмора. Проведенный анализ, подразумевающий выделение сильных и слабых сторон теорий с точки зрения их объяснительного потенциала, по мнению автора, служит исходной точкой для понимания социального значения комического.

Ключевые слова: смех, юмор, социология юмора, теория разрядки, теория противоречия, теория превосходства.

Вопрос о природе смеха и юмора на протяжении веков является предметом исследований философов и ученых. Сегодня он рассматривается различными науками, в рамках которых сформировалось множество концепций генезиса и восприятия комического. Юмор, без сомнения, является социокультурным феноменом и может представлять интерес для социологического анализа. Однако социологические подходы в изучении юмора стали активно применяться только после 1970-х гг. [1, р. 365]. Между тем, междисциплинарные наработки предыдущих лет, среди которых встречаются, хотя и нечасто, социологические рефлексии, также имеют большое значение для понимания социологических оснований юмора.

Представления о сущности юмора, высказанные до его активной интеграции в социологический дискурс, во многих случаях включают в себя обобщения о роли юмора в обществе. Это вполне соотносится с предметной областью макросоциологии, которую английский социолог Э. Гидденс, определяет как анализ «крупномасштабных социальных систем» [2, с. 80]. С другой стороны, подобные представления нередко относятся к абстрактному философскому или конкретному психологическому индивиду (группе), что корреспондирует с предметной областью микросоциологии, которую Э. Гидденс обозна-

чает как «исследование повседневного поведения в условиях общения лицом к лицу» [2, с. 80].

Комплексный анализ феномена юмора в рамках различных исследовательских традиций как российских, так и зарубежных включает взгляд на него сквозь призму трех теорий: разрядки, противоречия (несоответствия) и превосходства. (Термин «теория» понимается здесь в широком смысле – как «комплекс взглядов и идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления» [3] – С.М.). Критически рассмотрим их содержание, дав оценку их объяснительному потенциалу для последующего использования в рамках социологического подхода.

Американский исследователь юмора Дж. Морриал полагает, что три указанные теории объединяет «одна черта, общая для всех проявлений смеха», но индивидуальные концепции, объединенные в теории последующими исследователями, «отличаются в других отношениях» [4, р. 6]. Российские исследователи А.В. Дмитриев и А.А. Сычев считают, что между приверженцами теорий нет преемственности, но есть идентичный подход к юмору, единое понимание «конкретной причины смеха» [5, с. 136]. По словам лингвиста В. Раскина, «все три подхода оценивают такое сложное явление как юмор с различных углов и совершенно не противоречат друг

другу – скорее они довольно тонко дополняют друг друга» [6, р. 40].

В теории разрядки юмор трактуется как механизм «освобождения от напряжения», как своеобразный «предохранительный клапан» [1, р. 366]. Причем, речь идет преимущественно о напряжении, возникающем непосредственно перед смеховым актом, а не о более длительном состоянии. Еще И. Кант в «Критике способности суждения» определил понятие смеха как «аффект, возникающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [7]. Философ полагал, что юмор рождается в точке повествовательной развязки, которая не корреспондирует с основной частью сказанного, воспринимаемого серьезно и с напряжением чувств.

Английский философ XIX в. А. Бэн и его соотечественник социолог Г. Спенсер также рассматривали смех как разрядку. Они обосновывали свои суждения описанием биологических механизмов смеха [8; 9]. Г. Спенсер полагал, что смех – «одно из проявлений мышечного возбуждения», которое возникает в ответ на столкновение нервной системы, находящейся в напряжении, с некоторой несообразностью [9]. В доказательство он приводит пример: неизбежно сопровождаемый смехом выход на театральную сцену козленка во время «серьезной» мелодрамы. А. Бэн, в свою очередь, добавляет, что, помимо психической разрядки, смеху предшествует разрядка от «суровых требований общественного принуждения» [10, с. 98]. Вслед за разрядкой следует удовлетворение, нервное возбуждение, и, наконец, смеховая реакция.

Элементы теории разрядки можно найти и в подробной интерпретации оснований юмора, предложенной З. Фрейдом. В работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» основатель психоанализа четко определяет различие между юмором, комизмом и остроумием [11, с. 202]. Он подчеркивает, что все эти три разновидности остроумия имеют схожий механизм возникновения из бессознательной сферы. У З. Фрейда остроумие – родовое понятие для душевной деятельности, связанной с комическим.

Ученый считал, что юмор – это средство решения психической проблемы простейшими способами, успешно опробованными индивидами в самом начале жизни. З. Фрейд полагал, что удовольствие и эйфория, которые мы стараемся вызвать, обращаясь к остроумию, это – «настроение духа в тот жизненный период, когда мы вообще справлялись с нашей психической работой с помощью незначительной затраты энергии, настроением духа, в нашем детстве» [11, с. 202].

Однако теория разрядки уязвима: она отказывает юмору в рефлексивности и онтологической самостоятельности. Юмор в рамках этой теории – финальная точка мыслительного процесса или вообще его преодоление, это – пустой знак, не имеющий

сам по себе содержательных особенностей. Вместе с тем, представляя юмор не как акт индивидуально-восприятия (что свойственно сторонникам теории разрядки), а как взаимодействие на групповом (например, практика регулярных шуток в дружеской компании) или даже на общественном уровне (шутки, транслируемые профессиональными юмористами через литературу или масс-медиа), снятие напряжения вполне может мыслиться как важный мотив обращения к юмору.

Вспомним идею А. Бэна о юморе как о временном избавлении от общественных условностей. Можно предположить, что это – один из факторов популярности выступлений профессиональных юмористов, в том числе и на ТВ, ставших распространенной формой современного досуга. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в мае 2013 г., в современном российском обществе самым популярным культурным мероприятием является вечер юмора и сатиры [12].

Вторая большая группа философов и ученых – от античных до современных – придерживается в объяснении феномена юмора теории противоречия (несоответствия). Они утверждают, что в основе юмора лежит противоречие (несоответствие, несообразность). Оно служит как бы формой, а содержательно эти противоречия принадлежат различным парам характеристик, которые выделяли исследователи: сущность и мнимость, форма и бесформенность, величие и ничтожность. На это указывают А.В. Дмитриев и А.А. Сычев в монографии «Смех: социофилософский анализ» [5].

В философии и науке XVIII в. противоречивость юмора рассматривалась в русле поиска логики построения юмористического образа. Так, шотландский философ Дж. Битти в эссе о смехе обозначил объект своего труда как «результат наблюдения двух или более нелогичных, несоответствующих или нелепых частей или обстоятельств, рассматривающихся как объединенные в одном сложном объекте или группе» [13, р. 320]. А. Шопенгауэр в работе «Мир как воля и представление» указывал, что два несоответствующих элемента, из которых возникает смешное – это усвоенные нами понятие и реальный объект, который «мыслился в этом понятии» (но в действительности оказался отличным от него) [14, с. 65]. Немецкий философ полагал, что происходит противоречие между «наглядными и абстрактными представлениями» [14, с. 75].

В XX в. юмор по-прежнему рассматривался как логическое противоречие. Так, британский писатель А. Кестлер считал, что в основе юмора, так же как и творческого акта, лежит восприятие ситуации или события с двух «логичных, но обычно несовместимых или несопоставимых точек зрения» [цит. по: 15, с. 88]. Его соотечественник социолог М. Биллиг ссылается на труды нескольких психо-

логов (Н. Lefcourt, Р. McGhee), утверждавших, что способность человека перемещаться между двумя когнитивными рамками (фреймами) есть не что иное, как наличие чувства юмора [10, р. 65].

Современные исследователи юмора (М. Кларк, Э. Оринг, Т. Шульц [16; 17; 18] делают попытки более глубокой рационализации генезиса юмора из противоречий. Особого внимания заслуживает интерпретация юмора американского антрополога Э. Оринга. По его мнению, юмор зависит от восприятия «соответствующего несоответствия» (*«appropriate incongruity»*) [17, р. 1]. Его ученый понимает как нахождение связи между двумя категориями, которые с позиции здравого смысла рассматривались бы как противоречивые.

Исследователь подчеркивает: логическое несоответствие как таковое (без сопутствующего «соответствия») не обязательно является юмором, несообразности вроде нижеприведенного диалога вызывают смех разве что у детей и людей с психическими отклонениями:

«— Почему курицы перешли через дорогу?

— Потому что гуси ели кукурузу» [17, р. 4].

Э. Оринг справедливо отмечает, что соответствующее несоответствие мы находим не только в шутках, но и в «дефинициях и метафорах» [17, р. 4], которые не кажутся нам смешными. Почему? Исследователь дает ответ: в шутках и загадках, в отличие от метафор и дефиниций, «обнаружение несоответствия и поиск соответствия для него – поддельное, скорее, чем подлинное» [17, р. 5]. Иными словами, соответствующее несоответствие в шутках не основано ни на рациональности, как в дефинициях, ни на схожести образов, как в метафорах.

Понимание смеха в общественном, а не индивидуальном ракурсе, как «смеховой стихии», которая является «частью жизнедеятельности социума и одновременно ее проявлением» [19, с. 5], предполагает рассмотрение противоречия не просто как некой игры разума, а как социально детерминированного явления. Поэтому следует искать связи с другими, некомическими способами коммуникации и интерпретации мира.

Английский социолог М. Малкэй справедливо указывает, что в юмористическом образе «правила логики, ожидания здравого смысла, научные законы и требования приличий» не являются обязательными [20, р. 37]. Он полагает, что общественная жизнь включает в себя множество противоречивых значений и смыслов, и юмор с его релятивизмом, создает особую среду, особый «язык» для выражения этих противоречий. Тем самым, юмор служит поддержанию социального порядка.

С точки зрения американского социолога М. Дэвиса, все происходит как раз наоборот. Юмор своим противоречивым характером ставит под вопрос различные социальные (индивиды, группы, роли,

институты) и культурные (правила языка и логики, различия между человеком и другими существами) установления [21]. Но деконструкция, осуществляемая посредством юмора, является «временной, легкой и безопасной», в остальное же время владеющий чувством юмора должен воспринимать мир как «понятным образом организованный» [21, р. 310].

Однако следует отметить, что восприятие юмора как несоответствия различных характеристик – осязательно неполный взгляд на сложный феномен комического. Российские исследователи юмора обращали внимание на то, что наряду с логикой противоречия, смех подразумевает «нечто из других сфер – ценностной, культурной, традиционной, нравственной» [5, с. 168]. М. Биллиг, в свою очередь, указывал, что объяснение смешного исключительно несоответствием заостряет внимание на «мире, который вызывает смех» [22, р. 57], в противоположность поиску личных или групповых мотивов. С ним соглашается социальный психолог Дж. Салс, полагавший, что теория несоответствия не объясняет «эмоциональные аспекты, которые делают юмористические переживания особенно приятными» [15, с. 101].

В третьей из фундаментальных теорий смешного – теории превосходства, акцент сделан как раз на субъекте юмора, в том числе и на его эмоциональных реакциях. Многие исследователи смеха и юмора изучали объект своего исследования как (по преимуществу) негативный феномен, в котором смеющийся или смеющиеся выражают собственное превосходство. Об агрессивной натуре смеха писали ученые, рассматривавшие человека как неотъемлемую часть живой природы.

Еще Платон в диалоге «Филеб» [23, с. 161] подчеркивал, что смех над «смешными свойствами друзей» обусловлен сочетанием удовольствия и зависти со стороны смеющегося. Однако на то, что превосходство есть основной механизм, обуславливающий смех, первым указал английский философ Т. Гоббс в книге «Левиафан». По его мнению, смеховая реакция вызвана «внезапной славой» (*suddenglory*) [24, с. 41], или, как уточняет исследователь юмора А.Г. Козинцев, «внезапным чувством тщеславия» [25, с. 10]. По Т. Гоббсу, смех, по натуре выражающий превосходство, имеет два модуса – самовозвышение («собственное неожиданное действие, которое понравилось») [24, с. 41] и уничижение другого («восприятие какого-либо недостатка или уродства у другого») [24, с. 41]. Т. Гоббс обращал внимание на то, что превосходство свойственно тем, кто «сознает, что у них очень мало способностей» и кто «вынужден для сохранения уважения к себе замечать недостатки у других людей» [24, с. 44].

Австрийский ученый К. Лоренц, основоположник этологии – науки о поведении животных, утверждал, что даже в смехе маленьких детей со-

держится «изрядная доля агрессии, направленной наружу, на не-члена группы» [26, с. 181].

Более зримый социальный смысл превосходства как субъективной мотивации юмора обнаруживается в рассуждениях австрийского психоаналитика начала XX в., неотрейдиста А. Адлера. А.В. Дмитриев и А.А. Сычев особо обращают внимание на две тенденции, выявленные австрийским психологом [5, с. 139-140]. Согласно первой, смех является инструментом для демонстрации превосходства группы над осмеиваемым, то есть является средством группового контроля. Согласно второй тенденции, смех используется конкретным индивидом с компенсационной целью: при помощи подшучивания он заставляет замечать себя и повышает свой авторитет внутри группы. Это замечание весьма важно, так как желание превосходства, обусловленное низким положением в той или иной иерархии, может искать осуществления не только на индивидуальном уровне, но и на уровне групп.

Социолог А. Обрдлик, находившийся в Чехословакии во время ее оккупации нацистской Германией, в одноименной статье анализирует так называемый «юмор висельника» (*gallows humor*) – шутки, появляющиеся как своеобразный ответ на безнадежную ситуацию. «Поддержание моральной силы» – так А. Обрдлик определяет позитивный эффект от «юмора висельника», направленного против нацистов [27, р. 709]. Этот факт также можно рассматривать если не как стремление к моральному превосходству, то как ощущение иллюзии превосходства над сильным соперником или, точнее, над ситуацией, по формальным признакам безнадежной.

Заслуживают внимания результаты эмпирических исследований, опубликованные в книге канадского исследователя М. Рода «Психология юмора» [15, с. 74]. Они подтверждают, что агрессия и враждебность являются важными основаниями для генерации юмора. Так, несколько групп исследователей независимо друг от друга (Ч. Макколи, С. Эпштейн и Р. Смит и др.) обнаружили положительную корреляцию «между оценками забавности и агрессивности в различных наборах рисунков» [15, с. 74]. Однако этих исследований пока недостаточно, чтобы утверждать о том, что агрессия – движущий механизм юмора. Тем не менее, превосходство – более тонкий социально-психологический феномен, чем агрессия, но его целенаправленных эмпирических исследований не проводилось. Акцентируем, однако, внимание на том, что превосходство в юморе часто можно рассматривать как попытку расквитаться с тем, кто этим превосходством обладает, как бы компенсировать ущемленное положение субъекта.

Фиксируя элемент превосходства в смеховой реакции и юмористическом утверждении, цель которого – смех, отметим, что акцентирование

внимания на субъекте является как сильной, так и слабой стороной теории превосходства. Внезапным чувством превосходства не удастся объяснить институциональную или, если угодно, содержательную причину смеха и юмора.

Применительно к трем фундаментальным теориям юмора американский социолог М. Дэвис пишет, что их возможности для анализа юмора переоценены, но «они могут отлично объяснять специфическую группу комизмов» [28, р. 7]. По мнению ученого, теория превосходства Т. Гоббса применима к агрессивным шуткам, теория механизации А. Бергсона – к фарсу, теория сексуальности З. Фрейда – к «грязным» шуткам [28, р. 7]. Очевидно, что объективно данная широта комического требует дифференциации различных совокупностей юмористических проявлений.

Представление юмора в качестве разрядки, следствия несоответствия и отражения превосходства не говорит ничего о нем как о части духовных отношений, как инструменте для осмысления социальных отношений. В подавляющем большинстве случаев юмор обладает внутренним рациональным содержанием, которое скрыто за оболочками шутки и смеха. Поэтому важным для социолога является выявление и вербализация внутреннего рационального содержания юмора, а также определение влияния социальной структуры общества на юмористические проявления. Однако перед тем как приступать к подобным исследованиям обязательно следует критически осмыслить общетеоретическую рефлексию о юморе, неизбежно происходящую вокруг трех описанных теорий.

Литература:

1. Kuipers G. Sociology of humour // The primer of humourresearchin V. Raskin Ed. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. – P. 361-398.
2. Гидденс Э. Социология. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
3. Теория // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/803 (дата обращения: 01.09.2014 г.).
4. Morreall J. Comic Relief: A comprehensive philosophy of humor. – Chichester, United Kingdom: Wiley-Blackwell, 2009. – 208 p.
5. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех. Социологический анализ. – М.: Альфа-М, 2005. – 594 с.
6. Raskin V. Semantic mechanisms of humor. – Dordrecht, Holland: D. Reidel Publishing Company, 1985. – 284 p.

7. Кант И. Критика способности суждения. – М., 1966. – URL: <http://philosophy.ru/library/kant/03/15.html> (дата обращения: 20.12.2014 г.).
8. Bain A. The emotions and the will. – 3rdedn. – London: Longmans, Green and Co, 1899. – 640 p.
9. Спенсер Г. Физиология смеха. – СПб., 1881. – URL: http://society.polbu.ru/spenser_experiencesii/ch14_all.html (дата обращения: 20.12.2014 г.).
10. Billig M. Laughter and Ridicule: Towards a Social Critique of Humor. – London: Sage, 2005. – 272 p.
11. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – СПб.-М.: Университетская книга, 1997. – 319 с.
12. Вечер юмора, опера или рок-концерт? Досуговые предпочтения россиян // Опрос ВЦИОМ. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114037> (дата обращения: 15.12.2014 г.).
13. Beattie J. On Laughter and Ludicrous Composition // Essays: On Poetry and Music. – London: Routledge/Thoemmes Press, 1996. – P. 321-487.
14. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – Собр. соч.: В 6 т. – Т. 1. – М.: Terra-Книжный клуб, 2001. – 496 с.
15. Род М. Психология юмора. – СПб: Питер, 2009. – 288 с.
16. Clark M. Humour and Incongruity // Philosophy. – 1970. – № 45. – P. 243-254.
17. Oring E. Engaging Humor. – Urbana: University of Illinois Press, 2003. – 210 p.
18. Shultz T.R. Order of cognitive processing in humour appreciation // Canadian Journal of Psychology. – 1974. – № 28. – P. 409-420.
19. Разуваев В.В. Политический смех в современной России. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002. – 264 с.
20. Mulkey M. On Humour: Its Nature And Place in Modern Society. – Cambridge, UK: Polity Press, 1988. – 240 p.
21. Davis M.S. What's so funny? The comic conception of culture and society. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 386 p.
22. Billig M. Laughter and Ridicule: Towards a Social Critique of Humor. – London: Sage Publications, 2005. – 273 p.
23. Платон. Филеб. // Полное собрание творений Платона в 15 т. – Т. 4. – Ленинград: Academia, 1929. – С. 95-185.
24. Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
25. Козинцев А.Г. Человек и смех. – СПб: Алетейя, 2007. – 235 с.
26. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 272 с.
27. Obrdlik A. «Gallows Humor» // American Journal of sociology. – Vol. 47. – № 5. – 1942. – P. 709-716.
28. Davis M. What's So Funny? Comic Conception of Culture and Society. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 386 p.

Sociology of Humour: Criticism of Three Fundamental Theories of the Comic

S.S. Melnikov

Moscow State Institute of International Relations (university)

Russian Foreign Ministry

The paper deals with three fundamental theories of humour as defined by the majority of scholars: relief theory, superiority theory, and incongruity theory. The author summarizes the ideas of scholars focusing on social role of laughter and humour. According to the author, the analysis aimed at distinguishing strengths and weaknesses of the aforementioned theories, is the source of understanding of social role of the comic.

Key words: laughter, humour, sociology of humour, relief theory, superiority theory, and incongruity theory.

